

Серия исторических романов
«ГОДЫ МОЛЧАНИЯ»

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2021

ЦАРИЦА ИЕРУСАЛИМА

АНДЖЕЛА ХАНТ

ББК 86.37
X19

Перевод с английского

Originally published in English under the title:

JERUSALEM'S QUEEN

by Angela Elwell Hunt.

Published by Bethany House,
a division of Baker Publishing Group,
Grand Rapids, Michigan, 49516, USA.

Russian edition 2021 © Mission Visson
All rights reserved.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
в какой-либо форме без письменного разрешения издателя.

Хант, Анджела

X19 Царица Иерусалима / Пер. с англ. — СПб.: Виссон, 2021. —
320 с. — (Годы молчания).
ISBN 978-5-6046248-0-7

Очередной роман из серии «Годы молчания» посвящен Саломее Александре — первой и единственной царице, которой довелось править Иудеей. В исторических документах много противоречивой информации о ней, Анджела Хант излагает свою версию происшедшего в те далекие времена. Но собственно царствованию Саломеи Александры в книге уделено не много страниц — автор сосредоточивает внимание на том, как росла маленькая Шломцион (так ее звал отец), какие испытания выпали на ее долю, прежде чем она взойшла на престол, и что помогло ей стать мудрой правительницей.

ББК 86.37

ISBN 978-0-7642-3278-7 (*Bethany House Publishers*)
ISBN 978-5-6046248-0-7 (*Виссон*)

© 2018 by Angela Hunt Communications, Inc.
© Издательство «Виссон», 2021

При чтении Библии — когда, дочитав Книгу пророка Малахии, мы переворачиваем страницу и открываем Евангелие от Матфея — создается впечатление, что между пророчествами Малахии и пришествием Иисуса Христа прошло лишь несколько дней. Однако на самом деле Ветхий Завет и Новый разделяют четыреста лет, называемых годами молчания. Это время, когда Бог не говорил с Израилем через Своих пророков. Но, несмотря на это, Бог продолжал действовать и среди Своего народа, и среди других народов, и в Царстве Небесном. Он вел Израиль сквозь времена испытаний, и у Его народа укреплялась надежда и страстное желание дождаться обещанного Мессии.

Бог возвысил четыре народа: вавилонян, персов, греков и римлян. Именно о них говорил Даниил в своих пророчествах. Их могущественные царства распространили свою культуру на весь цивилизованный мир и объединили его мощными дорогами и международными морскими путями.

Бог также готовился исполнить Свое обещание, данное змею в райском саду: «...и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (Быт. 3:15).

Ибо Бог никогда не спит. И даже если Он общается с нами не так, как мы ожидаем от Него, Он всегда говорит с теми, чьи сердца готовы принять Его послание.

...Мудрецы указали мужчинам не обучать Торе своих дочерей, так как большинство женщин не имеют намерения обучиться и превращают изучение Торы в пустой разговор, по недомыслию своему.

Моисей Маймонид,
«Мишне Тора» (Законы изучения Торы 1:16)

ГЛАВА 1

Все собрались вокруг моей постели, словно стая шакалов, наблюдают с вытянутыми лицами, иногда наклоняются, проверяют, дышу ли я еще. Гиркан не сводит с меня глаз, лицо мокрое от слез. Аристубула в комнате нет, несомненно, он сейчас занят каким-то безобразием за стенами Иерусалима. Его жена, которую я никогда не любила, улыбается: как только я умру, она побежит к своему мужу.

Хашем*, неужели мне нельзя остаться здесь подольше? Мои сыновья не ладят друг с другом, я опасаясь, что их соперничество разрушит мир в Иудее.

Я закрываю глаза, и в помещении наступает тишина. Но как только я их открываю, невестка у моего ложа хмурится.

Я перевожу взгляд на других. Такие милые моему сердцу лица! Вот Симеон бен-Шетах, он берет мою руку и произносит благословение. А это Хони ха-Меагель, он протискивается мимо Симеона, чтобы видеть меня. Я пытаюсь ему улыбнуться, но, увы, губы не слушаются меня.

В помещение издали проникают звуки скорбной музыки. Фигуры людей вокруг меня начинают расплываться, обретая призрачное сияние, а моих друзей и семью заменяют те, кого

* Хашем — одно из имен Бога в иудаизме; буквально «Имя» (с определенным артиклем или с прописной буквы). Строго говоря, это не имя, а эвфемизм, «обозначение имени», используемое вместо имени-эпитета «Адонай» и иногда вместо «Элохим» (которые также традиционно избегают «произносить всуе») вне молитвы или религиозной службы. — *Примеч. ред.*

я любила в прошлом. Мой отец! Моя сестра! Теперь она красивая женщина, такая, какой, как я думала, она и должна была стать, когда вырастет. Моя мать! Она улыбается мне, приятно удивленная. А дядя держится прямо, сложив руки на груди, его взгляд говорит, что он доволен. Алона, Авигея и Езра Диагос...

— Госпожа? — голос Киссы выводит меня из забытья. Я моргаю и с трудом фокусирую взгляд на лице, нависшем надо мной. — Хони ха-Меагель хочет с вами помолиться.

Я киваю, во всяком случае, пытаюсь кивнуть, и тогда Хони ха-Меагель начинает читать. Мои любимые строки поднимают меня к небесам, я забываю о собравшихся вокруг моей постели.

Возвожу очи мои к горам,
Откуда придет помощь моя.
Помощь моя от Господа,
Сотворившего небо и землю.
Не даст Он поколебаться ноге твоей,
Не воздремлет хранящий тебя;
Не дремлет и не спит хранящий Израиля.

Теперь я смотрю вниз на дворцовый двор, заполненный моим народом, многие плачут. Воздух дрожит от причитаний плакальщиц. Мужчины и женщины бьют себя в грудь, моля Хашема благословить мой путь... *как я сама благословила Израиль.*

Их слова — бальзам на мою душу. И все только благодаря Хашему. Он услышал молитвы девочки, оставшейся без отца, и исполнил ее самое сокровенное желание: она хотела что-то значить в этом мире, где женщин зачастую приравнивают к движимому имуществу, игнорируют и быстро забывают.

И Он сделал ее царицей.

Г Л А В А 2

ШЛОМЦИОН

Я закрыла руками глаза, оттого что не могла смотреть на мертвого мужчину, лежавшего на столе. Но не могла при этом закрыть и уши, оградить себя от отчаянных стенаний матери и громких завываний плакальщиц.

— Мой муж! — воскликнула мать, ее голос дрожал. — И моя красавица дочка! Как могло случиться, что я потеряла их обоих в один день?

— Успокойся. — Авигея, пожилая женщина, наша ближайшая соседка, обняла мать и прижала к груди. — Возможно, Хеттура Десмона жива. Мы ничего не узнаем, пока не найдем ее.

Мать покачала головой:

— Девочки больше нет. Хашем забрал ее у меня.

Плакальщицы дружно запричитали, а мама разразилась новыми рыданиями.

Всепоглощающая скорбь охватила меня, я скорчилась в уголке, желая стать невидимой. Хотя никто не смотрел в мою сторону, потому что я была второй дочерью и далеко не красавицей. Я — Шломцион, и больше ничего.

— Как это все внезапно!.. — сказала Авигея, выпуская мать из объятий. Она взяла мокрую тряпку, протерла ею грудь моего мертвого отца и покачала головой. — Итамар был прекрасным человеком. Хашем благословил тебя замечательным мужем, а теперь Он забрал его.

— Благословенно имя Господа, — негромко заметила другая соседка, она обмывала ноги мертвеца, решительно стиснув губы. — Он дает жизнь, и Он ее забирает.

— Но забрать его — вот так?! — возмутилась мама, переводя взгляд с одной соседки на другую. — Он отлично чувствовал себя этим утром. Он позавтракал и отправился покататься с Хеттурой, но не успела я даже сходить к колодцу, как мой муж вернулся домой мертвым! А моя дочь — моя гордость и радость, — что случилось с ней?

Еще одна женщина подошла и взяла маму под руку:

— Быстрая смерть — это милость, а твой муж, как я слышала, умер мгновенно. Скорее всего, конь встал на дыбы и Итамар упал. И твоя дочь, должно быть, вылетела из седла.

— И где же она? — взвизгнула мать. Она подошла к окну, открыла деревянные ставни и выглянула во двор, словно ожидала, что моя девятилетняя сестра вдруг появится перед дверью. — Где она может быть?

— Бедняга, наш гордый Итамар... — Авигея занялась его лицом. — И зачем тебе понадобилась лошадь? Разве мул чем-то хуже? — Остальные женщины ничего не ответили ей, продолжая обмывать тело.

Хотя я была шестилетним ребенком, я понимала, что пожилая женщина задала отнюдь не праздный вопрос. Большинство жителей Модина ездили на мулах, если вообще ездили, но отец желал передвигаться исключительно на коне. И не на каком-то коне, а на самом лучшем жеребце, которого только мог купить, он должен был быть резвым и горячим, чтобы отпугивать слабых наездников.

И его упрямство, порожденное гордыней, стоило ему жизни. Норовистый конь часто взбрыкивал, когда на него усаживался всадник, а также часто лягал прохожих, если они его пугали. Мама нередко говорила, что этот конь ненадежный, но отец только смеялся над ее страхами.

И вот теперь он не смеется. А Хеттура? Где же моя сестра?

Еще до заката отец займет свое место в семейной гробнице, и нам с мамой придется жить без него. Мне будет не хватать его сияющих темных глаз, его раскатистого смеха, а также его

огрубевших от работы рук, которые гладили меня по голове с нежностью и любовью.

У меня в груди поднимались рыдания, но я их подавила. Мама и так уже сходит с ума от скорби; я не хотела причинять ей лишнюю боль.

Теперь она ходила кругами по комнате, ее руки все время были в движении — то приложит ко лбу, то обопрется о стол, то подергает ворот своей туники.

— Что же нам делать? — спрашивала она, оглядывая комнату. — Родители Итамара умерли, а братьев у него нет. Все сестры замужем и живут в своих домах...

— Жители Модина обязательно проявят щедрость, — сказала Авигея, — как было со мной, когда умер мой муж. Закон требует, чтобы они оставляли зерно и фрукты для нуждающихся.

— Но я не хочу быть нуждающейся! — Мама снова переводила взгляд с одного лица на другое, словно искала ответа, которого не было у этих женщин. — Все, что у меня есть, — несколько норовистых коней, которых теперь никто у меня не купит. А мне нужно кормить дочерей, если только... — Ее голос сорвался, когда она посмотрела на маленький стульчик, на котором Хеттура обычно сидела за столом. — Хеттура! — с болью в голосе крикнула мать, бросившись к окну в отчаянной надежде увидеть мою сестру.

— Займись своим мужем! — голос Авигеи перекрыл причитания плакальщиц. — Полселения сейчас ищет твою дочь. Скоро ее найдут.

Мать неохотно отошла от окна и приблизилась к столу, посмотрела на мертвое тело и снова разрыдалась:

— Я вышла замуж за дурака! Он не должен был брать Хеттуру кататься на этом диком животном.

В ответ она получила сердитый взгляд Авигеи, но я не успела задуматься об этом, потому что с улицы донесся громкий голос:

— Сепфора!

Мать вскинула голову, и на мгновение морщинки тревоги между ее бровей разгладились.

— Они нашли мою красавицу?

Она подбежала к окну, и по ее душераздирающему крику я поняла, что мою сестру нашли мертвой. Мама сделала несколько шагов назад и осела на пол, она принялась рвать на себе тунику, от ее скорбных воплей задрожал воздух.

В дверь вошел мужчина, один из соседей, с моей сестрой на руках. Ничего не говоря, он положил тело Хеттуры рядом с отцом, а все женщины в комнате снова запричитали над чудовищной потерей.

Причина смерти (позднее сообщили, что ее укусила змея) значения не имела. Я слышала только голос матери, причитающей, что без мужа и красавицы дочка у нее не осталось ничего и ей самой лучше присоединиться к умершим.

* * *

Через два дня после похорон отца и сестры в наше селение въехал мужчина на отличном коне. Я видела, как он заезжает в ворота, и внутренний голос подсказал мне, что он приехал к моей матери.

— Кто это? — шепнула мне одна из девочек, показывая на незнакомца в облаке пыли, поднятой его конем.

— Кто-то важный, — ответила ей другая. — На нем богатая одежда.

Я оставила кувшин у колодца и поспешила домой. Мама не занималась домашними делами с самых похорон, и мне приходилось ходить за водой и молоть зерно, как уж получалось. Мои руки еще не были достаточно сильными, поэтому результат оставлял желать лучшего.

Я прошла мимо нескольких домов, перед каждым располагался дворик. В каждом дворике стояла женщина и смотрела в сторону колодца, где незнакомец слезал с коня, чтобы его напоить.

— Породистый конь, — заметила одна из женщин.

— Дорогая туника, — добавила другая.

— Кажется, я его уже видела раньше, — сообщила женщина через улицу.

— Это один из сыновей первосвященника. — Авигея изобразила улыбку. — Он же дальний родственник Сепфоры. Помните мое слово, он приехал к ней из Иерусалима.

— Но он не может войти в ее дом, — возразила первая женщина. — И не войдет. Сепфора будет нечистой до самой субботы.

— Как и все мы, — заметила Авигея. — Но нам дозволяется разговаривать с ним.

— Сепфора! — Наша ближайшая соседка повернулась в сторону нашего дома. — Тут к тебе приехали.

Я подошла к дому как раз в тот момент, когда мама вышла во двор. Она была бледной, с непокрытой головой и припухшими веками. Она огляделась и спросила, ни к кому не обращаясь:

— Кто приехал в этот дом скорби?

Все женщины молча повернулись в сторону колодца, где хорошо одетый мужчина оставил своего коня. Он молча шагал по пыльной улице и вглядывался в каждую женщину по пути. Наконец он подошел к нашим воротам.

Он не попросил разрешения войти, лишь склонил голову в знак приветствия:

— Вы Сепфора, жена Итамара?

Мама вгляделась в него:

— Неужели это Иоанн Гиркан?

— Кузен. — Он поздоровался, в его голосе слышалось участие. — Мне очень жаль, я слышал об Итамаре и вашем ребенке. Я понимаю, как вам сейчас тяжело, и я приехал, чтобы вас утешить, насколько это возможно. Хочу заверить вас, что мы не оставим вас в нужде. Моя семья — ваша семья, вам не нужно бояться будущего.

В маминых глазах заблестели слезы.

— Я понесла огромную утрату. Итамар умер, и Хеттура тоже — она была самой красивой девочкой в Модине. Она могла бы стать невестой какого-нибудь состоятельного мужчины. Возможно, неплохой партией даже для принца.

Гость склонил голову:

— Да, я помню, в нашу последнюю встречу Итамар упоминал старшую дочь-красавицу. Но у вас есть еще одна дочь, верно?

Мама вздрогнула и кивнула:

— Саломея Александра.

— Итамар говорил мне, что младшая девочка тоже незаурядная. Он сказал, что она умная.

Мать снова вздрогнула:

— Умная?

— Он сказал, что она сама научилась читать. Что она развита не по годам и изучала с ним Тору, учение дается ей легко.

Мама неуверенно посмотрела на него:

— Он так говорил?

— Говорил. Поэтому, как только я узнал о несчастье, я решил приехать сюда и предложить вам помощь. Мы с радостью возьмем на себя заботу о вас и вашей дочери.

— Вы слишком к нам добры. — У мамы был отрешенный вид, я сразу поняла, что она продолжает размышлять о том, что отец говорил о нашей семье этому человеку.

— Ерунда. Я не сомневаюсь, что Итамар сделал бы то же на моем месте.

Я склонила голову и стала размышлять над словами незнакомца. Мой отец был добрым, но не могу себе представить, чтобы он предложил свое покровительство семье этого знатного человека. Они бы просто посмеялись над его предложением, прайд львов с презрением отверг бы помощь мыши.

— Я пришлю за вами повозку после субботы, — продолжил Иоанн Гиркан. — Отныне вы и Саломея будете под моим опекуном. У нас есть для вас место, и вам ни о чем не нужно беспокоиться.

Его обещания, данные нам столь непринужденно, словно разогнали тени вокруг и осветили лицо матери. Она посмотрела на него и даже решила чуть улыбнуться:

— Да благословит вас Хашем и сохранит, кузен, до прибытия вашей повозки к нашим воротам!

* * *

Несмотря на скорбь, которая тяжким бременем легла на сердце матери, всю неделю она старательно готовилась к пе-

реезду в Иерусалим. Она раздала одежду отца и продала коз соседям. Ей даже удалось продать норовистых коней торговцу. Она упаковала наши немногочисленные туники и сандалии, разложив все по сундукам и плетеным корзинам.

Когда же мы закончили сборы, нам стало нечего делать, только ждать приезда повозки от Иоанна Гиркана. Мама сидела в почти пустом доме и плакала, а я бродила по селению, останавливалась возле ворот соседей и молча прощалась со всем, что я знала с тех пор, как научилась ходить. Модин, каким бы маленьким он ни был, включал в себя весь мой мир, я просто не представляла, что же лежит за его пределами.

И пока я бродила по пыльным улицам, женщины выражали мне сочувствие и уверяли, что им будет не хватать меня.

— Позаботься о матери в Иерусалиме, — снова и снова слышала я. — И пусть не забывает нас.

Пока мы ждали, я присела у очага и стала думать обо всем, чему учил меня отец. Из Танаха он читал мне отрывки Торы, Писаний и Пророков, и очень часто в этих текстах звучало слово *Спаситель*. «Бог мой — скала моя; на Него я уповаю, — писал Давид, — щит мой, рог спасения моего, ограждение мое и убежище мое; Спаситель мой, от бед Ты избавил меня!»

Мне не доводилось переживать такие беды, как Давиду, и пока мои детские губы повторяли выученный наизусть священный текст, я поняла, что Иоанн Гиркан был таким спасителем для мамы и меня. После смерти отца нам грозила жизнь в бедности и нужде. Но Иоанн Гиркан, сын первосвященника Симона, выехал из Иерусалима и отправился в крошечный Модин, чтобы пообещать нам спасение.

Однако все наши надежды рухнули, когда два разгоряченных всадника остановились у колодца и сообщили жуткую новость: Симон Маккавей, сын праведного священника Маттафии, предательски убит вместе со своими старшими сыновьями, Маттафией и Иудой. Симон был последним из пяти братьев Маккавеев и первым из семьи Хасмонеев, кто был провозглашен израильским «вождем и первосвященником навеки, пока не появится истинный пророк».

Будучи ребенком, я не понимала полного значения этих слов, но имя *Симон* было мне известно, я знала, что он нужен всей Иудее.

Мама ничего не сказала, услышав ужасную весть, все селение Модин погрузилось в траур, отодвинувший на задний план оплакивание моего отца и сестры. Сыновья Маттафии, как говорили люди, были *нашими* людьми. Симон вырос в Иерусалиме, но отец и сыновья начали войну с селевкидскими завоевателями именно в Модине. Наши соседи молились вместе с Иудой Маккавеем, который возглавил войско Израиля, торговали и трудились вместе с Иоанном, Елеазаром и Ионафаном. Вслед за Маттафией они приносили в жертву своих мужей, отцов и сыновей, чтобы отвоевать свободу у язычников.

Симон, напомнила мама Авигее, был нашим первосвященником всего семь лет.

— Он должен был умереть в своей постели, — говорила она, рыдая. — Он должен был вести нас до тех пор, пока не стал бы стариком.

— Но еще хуже то, — ответила ей Авигея, — что это предательство! Говорят, убийство было спланировано его зятем, Птолемеем.

Я совсем растерялась, из каждого дома доносился плач. Я дергала маму за тунику, пока она не посмотрела на меня.

— Мама, а Симон был нашим царем?

Она покачала головой:

— Симон был нашим вождем и первосвященником.

— И кто теперь станет первосвященником?

Мать посмотрела на Авигею, приподняв брови:

— Как думаешь? Поскольку оба старших сына уже в могиле, первосвященником должен стать Иоанн Гиркан.

Авигея нахмурилась:

— Удивительно, что они не убили и его тоже.

— Может, и убили. А может... он был в это время в другом месте, когда его искали, чтобы убить. Возможно, даже здесь... с нами. — На мамином лице появилось странное выражение — удивление и замешательство с малой толикой страха. — Я про-

сто ляпнула глупость. Естественно, кто мы такие, чтобы иметь отношение к таким делам?

Авигея улыбнулась:

— Хашем использует все, чтобы свершилась Его воля — даже мелочи. — Она пристально посмотрела на меня: — Не забывай об этом, Саломея Александра. Даже такая маленькая девочка, как ты, может быть орудием в Его руках.

Губы мамы изогнулись при таком заявлении, но упоминание Гиркана направило ее мысли в другое русло. Она вдруг грустнела:

— Теперь мой кузен может не прислать за нами повозку. Он будет скорбеть об отце и братьях, а его семья переедет в дом первосвященника. Вся его жизнь полностью изменится... Не удивлюсь, если он вовсе о нас забыл.

Я потянула маму за подол, в моем сердце появилась надежда.

— А если он забыл, мы можем остаться? Можем забрать обратно своих коз?

Мама потрепала меня по плечу и велела идти играть.

Я побродила по селению и поняла, что мать не единственная, кто пытается рассуждать о переменах в Иудее. Известие о том, что Иоанн Гиркан станет нашим первосвященником, судя по всему, потрясло жителей не меньше, чем убийство Симона.

— Но Гиркан не обучался, — говорили мужчины, гнавшие своих овец и коз на пастбище. — Его не готовили в первосвященники.

— А разве он не левит? — возражали другие. — И разве Симон не его отец? Рука Хашема будет поддерживать его по жизни, и, без сомнения, это Его дело.

Затем я вернулась домой, мама сидела у окна. Она не говорила мне, отчего так нервничает, но когда к нам зашла Авигея, высказалась вполне откровенно.

— Я думала, что мы уже устроились, — заговорила она, прижимая руку к горлу. — Иоанн Гиркан обещал забрать нас к себе, но как он поступит теперь? У первосвященника и вождя Израиля не будет времени для бедных родственников. У него на уме будут куда более важные вещи.

— Священник заботится о людях Хашема, — возразила Авигея тихим, успокаивающим голосом. — Раз Гиркан дал обещание, он его выполнит. Прояви терпение, дай ему время.

— И что нам делать, когда у нас закончится зерно? — Мама посмотрела на соседку. — Идти побираться к колодцу? Может, взяться за воровство и стащить у родичей ягненка?

— Спокойно, Сепфора, — увещевала ее Авигея. — Хашем слышит мольбы вдов и сирот. Он позаботится о тебе, как позаботился об Агари в пустыне. Как позаботился обо мне.

Он должен нас спасти.

Я посмотрела на мать, ожидая увидеть облегчение на ее лице, но вместо этого увидела страх и отчаяние.

